

*Валерий
Михайлов*

ПЬЯНЫЙ ВЕТЕР

СЕНТЯБРЬ

Дышал,
 Чем Бог послал...
 По осени
 Чуть сыроват, тревожен
 Воздух был.
 Я что-то в нём такое уловил,
 Что было до рожденья, что ли,
 Со мной ли,
 С кем ли,
 Не понять, –
 И я затосковал
 О древней воле,
 Ещё не зная,
 Как её назвать.
 И тронутая мглой
 Так остро веяла тоской
 Степная пыль, прибитая дождём,
 И горько пахло
 Тополиною корой,
 Намокшею, зеленовато-серой,
 И досками заборов тёмными
 (Тем убиенным деревом,
 С потусторонней памятью о лесе),
 И поднебесье

Спустилось
 И клочками сизых туч
 Почти над головой летело,
 Под рваным ветром
 Ворчало, бормотало, пело
 И проливало
 В воздух, летом поиссушенный,
 Тревогу
 Влажную,
 Сулило мне дорогу
 Туда,
 Где сонные текут в равнинах реки
 И земляные,
 Лесовые
 Обитают человеки,
 Где был когда-то
 Хлеб, и кров, и дом,
 И говор песенный
 На языке родном...
 Вот так
 Я и дышал –
 Тем воздухом,
 Что Бог
 По осени
 И по рожденью
 Мне послал.

ОБЛАКО

Зачем это всё, нипочём никому не известно.
 Вот мысль пронеслась и пропала, не сыщешь следа...
 Душа, ты сгорела бы вроде, но снова воскресла,
 Меня ты когда-то покинешь, но, может быть, не навсегда.

Ничто из возникшего здесь вовсе не исчезает:
 Ни чувства, ни думы, ни даже текучая плоть.
 Вон облако где-то кочует и, тая, не тает,
 Пронизано светом оно изнутри, где таится Господь.

Там всё, что тут прожито, понято и пережито
 И мною и всеми – от разума озарений до полутёмной мыслинки
сырой, потайной.
 Там целое жизни, то, что в мире давно сожжено и разбито...
 И облако это куда-то летит бесконечно над бренной твоей головой.

* * *

День за днём пролетает
 Неизвестно куда,
 Время не убывает
 Нипочём, никогда.

Какие-то заборы,
 Суровые дома,
 Жилья глухие норы,
 Сошедшие с ума.

Жизнь проходит, уходит,
 Ну, а время – оно
 Будто за нос нас водит,
 Хоть ему всё равно,

Угрюмые стояли
 Рядами там и тут,
 Так, словно их призвали
 Вершить неправый суд.

И как полная чаша
 Перед нами стоит.
 – Эта чаша не ваша, –
 Время нам говорит. –

Лишь краска оплывала
 Под снегом и дождём,
 Сгущённая немало
 И сажей, и свинцом.

Будет пить кто, не будет –
 Не снесёт головы.
 А меня не убудет,
 Но убудете вы.

В ней тени проступали,
 Готовые полечь,
 Как будто тайну знали,
 Но позабыли речь.

* * *

Что было, то пропало,
 И неча ворошить.
 А помнишь – что попало,
 Что лучше бы забыть.

И я, почуяв это,
 В сырой тоске немел,
 Хотя ещё не ведал
 Всё, что сказать хотел.

* * *

Тёмный шелест широкой волны,
 Рассыпающей брызги Луны,
 Чистой гальки ребяческий лепет...
 Никому тут слова не нужны.

Рыбьи стаи плывут в глубине,
 Как в безмолвием сдавленном сне,
 И немотствуют колкие звёзды
 В полоумной глухой вышине.

Чаша ночи молчаньем полна,
 Золотая восходит Луна,
 Море тонет в бледнеющем небе,
 И Вселенной слышна тишина.

* * *

Мир устроен как-то эдак...
 Полюбуйся напоследок:
 В небе кружит не пыля
 Шаром ёлочным Земля.
 Новогоднее круженье,
 Голубое отраженье
 Океанов и морей –
 Загляденье, ей-же-ей!
 По каким таким законам
 С дивным, серебристым звоном
 Невесомо шар плывёт
 Прямо в звёздный хоровод?
 Тьма вокруг него кромешна,
 Жизнь на нём не безмятежна –
 В копошливой суете
 Да в кровавой маяте.
 Хлеб насущный добывая,
 Веселяся и страдая,
 Люди всё чего-то ждут –
 Даром что друг дружку жрут;
 Всё надеются на что-то,
 Всем, конечно, жить охота,
 Неохота умирать,
 А придётся, как пить дать;
 Ищут смысла в том да в этом
 И готовят сани летом, –
 Но куда приедут сани,
 Вместе с нами, вместе с вами,
 Коль от ушлого ума
 Станет ядерной зима?..

Всё возможно... но сегодня
 Шар кружится новогодне
 И меж звёзд себе летит,
 Очень праздничный на вид.

* * *

Не до толпы, не до веселья,
 Не до вина,
 В чужом пиру похмелье – келья,
 Безмолвье, тишина.

Пожухли словеса, пооблетели
 Сухой листвой.
 Зима – и завели метели
 Свой вой за упокой.

Но эти стоны на краю у бездны,
 Карк воронья
 Душе и слуху всё ж любезны:
 В них нет вранья.

* * *

Небес просторы,
 Кочевья туч,
 Немые горы
 В изломах круч.

Летят бакланы
 По-над водой
 Стрелюю рваной
 На бой морской.

Лещам на горе
 Как смерч падут –
 И взбучат море,
 И рыбу быют.

Пена клочками
 И кутерьма...
 Хохочут чайки:
 Поживы тьма!
 Сверкают брызги,
 Хоть не слепят.
 И солнца искры
 Волну рябят.

* * *

...А на земле твой дом сгорел, Серёга,
Тебе ж легла небесная дорога,
И где-то там навечно и всерьёз
Квартирный разрешился твой вопрос.

Огнём заката, пламенем рассвета
Душа твоя мятежная одета,
И, может, смотришь ты теперь на нас,
Всей глубиной небес голубоглаз.

И видишь: тут всё то же, что и было,
Лишь кто-то шило поменял на мыло,
Тоской зелёною сквозит осина,
Из дробовика в упор
расстреляна рябина.

Вокруг страна какая-то иная,
И не понять – родная? не родная?..
И, словно пряник, домик над Окой
Нелепо притворился, что он твой...

ИМЯ РОЗЫ

(типа сказание...)

В каждом городке уездном,
милом, тихом и болезном,
где весной цветут сирени
и ничейные цветы,
где по лету белы гуси
важной поступью ступают,
как степенные бояре,
по муравке по траве;
где в наличниках оконца,
деревянные крылечки,
и поскрипывают сени,
и потрескались ступени,
а за печками давненько
позапрятались сверчки;
где бывали и гостили
и Батый, и Стенька Разин
да с Емелькой Пугачёвым,
этот самый, в треуголке, –
торт ещё... – Наполеон! –
а потом товарищ Ленин,
а за ним товарищ Сталин,

где, разбрызгивая пену,
Гитлер на мотоциклетке,
как чума, протарахтел;
где, бывалочи, когда-то
Соловей свистал Разбойник,
и Кощей грозил Бессмертный,
Змей-Горыныч пролетал;
в городишке, стал-быть, каждом,
где в июне блещут грозы,
в декабре трещат морозы,
и столбом стоят дымы, –
сбереглось, сохранилось,
уцелело имя Розы,
имя Розы Люксембург!

Ох! давно никто не знает
в городишках наших древних,
что за диво? кто такая
эта Роза Люксембург?
Ох, не ведают граждане,
стар не ведает и малый,
улицы зачем назвали
чудным именем таким?
Приезжал по приглашенью
италиец к нам заморский,
сам с улыбочкой смышлёной,
в золотых очках мудрец –
звать его сеньор Умберто,
представительный, в бородке,
галстук бабочкой, планшетка,
и панбархатный пиджак;
весь учёный-разучённый,
но – не раскусил загадку,
не раскрыл нам эту тайну –
имя Розы Люксембург.

Много улочек заветных
в наших городах уездных,
позарощенных сиренью
и крапивою-травой,
как же прозваны красиво! –
имена-то имениты:
Володарский и Урицкий,
Троцкий, Бродский и Высоцкий,
Карла Маркс и Фридрих Энгельс,
этот, снова Карла – Либкнехт
(как бы тут не подавиться),

и, конечно, Клара Цеткин
 (что у Карлы-то кораллы,
 знамо дело, все попёрла),
 непрменная подруга
 нашей Розы Люксембург.
 Много улочек любезных,
 где растут цветы приятны:
 мальва, лилия, ромашка,
 где огнём горит герань,
 но цветёт всех пуще Роза —
 королевна, лебедь-пава,
 цаца, жрица и царица,
 этакая лампадрица,
 наша Роза Люксембург!

* * *

Предзакатная алость,
 Ускользящий свет.
 Ты мне только казалась,
 Той тебя вовсе нет...

В синих сумерках ясно
 Проблестала звезда.
 ...И виденье погасло
 Навсегда, навсегда.

Ночки шёлковой нежность,
 Жуть небес, благодать...
 Глубока безмятежность,
 Когда нечего ждать.

* * *

Падая, думала капля дождя,
 Что переполнит собой океан, —
 Сгинула мигом в холодной волне,
 Соли крутой напоследок хлебнув.

* * *

На ветер, на ветер, на ветер,
 На ветер бросал ты слова.
 А ветер едва ли заметил,
 Ему что слова, что листва.

Не пашет, не жнёт и не сеет —
 Он звёзды, как искры, несёт.
 И всё, что ни есть, поразвеет,
 И всё, что ни есть, не спасёт.

* * *

Проснуться вдруг по рани,
 Плеснуть в лицо восток,
 Зарёю зарумянен
 Берёсты завиток.

Шумит кругом на свете
 Счастливая вода,
 И рвётся пьяный ветер
 Неведомо куда.

Берёзового комля
 Обуглена кора,
 Но пробудились корни,
 Дремавшие вчера.

И в небо устремился
 По голым веткам сок,
 Чтоб всякий им упился
 Развёрнутый листок.

